

строгому хору и вглядывались въ таинственныя, безконечныя дали, которыя на мгновенія открылись передъ ними».

Смерть кажется графинѣ Марьѣ истиннымъ освобожденіемъ ея подлиннаго религіознаго «я»; при вѣсти о смерти «лицо ея измѣнилось и что-то просіяло въ ея лучистыхъ прекрасныхъ глазахъ. Какъ-будто высшая радость, независимая отъ радостей и печалей этого міра, разлилась въ ней».

Княжна Марья, Николенька, Пьеръ Безухой, Каратаевъ, Нехлюдовъ, Левинъ—это все люди, которые, по выраженію Толстого, не «портятъ свою душу», спасаютъ ее, дабы выполнить задачу возвращенія неоскверненной души къ давшему ее Богу. Какая характерная и глубокая разница между ними и праведниками Достоевскаго, которые нарочно лѣзутъ въ самую гущу жизненной клоаки, туда, гдѣ души калѣчатся, уродуются, кощунственно грязнятся и корчатся въ мукахъ оскверненія и кошмара. Такихъ, какъ Мышкинъ, Соня Мармеладова и даже Алеша Карамазовъ, съ болѣзненной силой тянетъ въ кошмаръ и муку, въ геенну огненную нашего житейскаго ада, чтобы воспринять крещеніе въ огнѣ мукъ и невыносимыхъ страданій. Разгадка всего—для Достоевскаго въ корчахъ человѣческой души, въ ея движеніи отъ низинъ и паденій къ обратному, къ взлетамъ на